● ВСТРЕЧА ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Отсутствие доброты

Беседа с Евгением ЛЕОНОВЫМ, народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР.

— Евгений Павлович, в бурный век перестройки на нас обрушилась лавина ранее неизвестной информации. Но все чаще слышишь, что жизнь легче не становится, а старшее поколение ностальгически вспоминает годы своей молодости, констатируя нынешний кризис духовности, моральных, нравственных ценностей. В чем вы видите наши сегодняшние болезни?

— Больны ли мы? Конечно. Но заболели не сегодня и не вчера, а гораздо раньше. Мы подхватывали все новые болезни, не залечив старые. Сейчас появилась последняя возможность, когда можно от хворей избавиться. Но сделать это очень непросто. У нас нарушены экономические законы. В своем весьма недалеком прошлом мы выбросили за ненадобностью целые разделы науки, например генетику, усомнились в необходимости кибернетики, компьютеризации. Сейчас — наверстываем.

Почему люди научились лгать, делать дурное? Доброе и человеческое, а это есть в каждом, спряталось под давлением неустроенности, неблагополучия, потери веры.

— Каков же выход?

— Драматург Александр Вампилов говорил, что каждый человек — творец, только ему нужно помочь раскрыться. И тогда все лучшее, что есть в нем, достанется людям. Каждый ребенок рождается добрым. И для доброй жизни. В том, что он постепенно теряет запас доброты, виноваты и детский сад, и школа, и ПТУ, и, конечно, семья, из которой ушли шутка, юмор, игра. Ребенок все чаще сталкивается со скандалами, грубыми окриками, толчками, жизнь постепенно покидает атмосфера теплоты, добра и уюта. Мы привыкли к наказаниям в колониях и тюрьмах, забывая о самом эффективном и страшном — нравственном наказании и раскаянии.

Мы разучились задумываться: зачем мы живем? Лечение нужно начинать с самого себя. Делать свое дело. Любить его. Любить свою профессию. Уважать общество, в котором живешь. Этого достаточно, чтобы вернуть тот нравственный климат, отсутствие которого заставляет меня болеть и страдать.

Не надо говорить, что любишь свою Родину. Если любишь, отдай кусочек своего сердца, свято выполняй все заповеди Моисея — ведь это общественный нравственный закон.

— В процессе духовного очищения какую роль вы отводите искусству, театру?

— Меня пугает, что и в искусстве мы научились лгать. Мы редко говорим, что фильм плохой, что таланта не хватило. А говорим, что плохая пленка, сложные условия, упоминаем мировой кризис искусства и т. д. Но и Эйзенштейн, и Пудовкин снимали свои ленты в непростых условиях, на плохой пленке, но своим поэтическим талантом они завоевывали мир.

Многие режиссеры почему-то думают, что чем слабее литературный материал, тем больше возможности проявить себя. Не лучше ли проявлять свой талант на литературе Булгакова, Достоевского, Чехова? Здесь есть исповедальная глубина. Мы ведь знаем, что русское искусство славилось проникновением в сердце другого человека. Чтобы вызвать гнев, боль, очищение, катарсис. Эта традиция была жива и в актерском искусстве: гениальный Н. Хмелев умер от инфаркта на сцене, в возрасте 44 лет, на сцене же умер Б. Добронравов, потрясавший зрителей высоким искусством.

В XIX веке было несколько десятков писателей, но они перевернули мир. Сейчас у нас тысячи писателей, но они все время что-то делят.

У нас все перевернуто с ног на голову. Мы любим хвалить, раздавать громкие эпитеты. А Шукшину, Высоцкому мы при жизни не успели сказать, что они уникальны, необыкновенны, гениальны.

Сейчас мы начали всех огульно критиковать. Даже руководителей. И это правильно. Каждый человек должен быть нравственно подсуден. Но посмотрите, как ведут себя некоторые делегаты Съезда народных депутатов. Каким топотом они провожали с трибуны академика А. Сахарова! Разве может так поступить интеллигентный человек? А в каждом слове Сахарова были доброе сердце, боль за других. Вот он и сгорел.

Нине Андреевой стыдно за Ельцина, потому что он не понял, что в Америке все живут плохо, кроме десятка миллионеров. Зачем эта заведомая ложь? Чтобы мы опять поверили, что у нас лучше всех? Это неправда. Я был в Америке и знаю, что уровень жизни там очень высок. Такая же неправда, что искусство в западном мире развалилось. Прошлым летом в ФРГ мы видели, как люди тянутся к театру, интересуются искусством. Если говорить честно, то во многих, даже московских, театрах отменяются спектакли, потому что пустуют залы. В периферийных городах люди не заполняют залы на концертах симфонической музыки, на выступлениях С. Рихтера. А все ли зрители небольших городов поняли «Покаяние» Т. Абуладзе, которому рукоплескал мир?

Эмоциональное, воспитательное значение искусства огромно. Мы не можем обратиться к нему после того, как наладим выпуск угля и стали. Не будет культуры — не будет нравственности, не сможет ответить человек, для чего он живет на земле. Чтобы озолотиться? Купить пять костюмов? (А они скоро появятся). Ботинки — черные, желтые, зеленые? Машину? Пять машин? Трактор? Зачем?

— На 1 сентября 1988 года была назначена премьера спектакля «Поминальная молитва». Спектакль не состоялся. Зрители увидели его спустя 13 месяцев...

— История «Поминальной молитвы» — история драматическая. На гастролях в ФРГ я заболел. Нет, не заболел, а просто умер. Возвращения на эту землю не должно было произойти, но гамбургские врачи вернули меня в этот мир. Девятнадцать дней я был без сознания, по дороге к операции перенес два инфаркта.

Невозможно было даже предположить, что я вернусь к работе. Но мне кажется, что пока живешь — нужно жить интересно, а для меня это значит — работать. Я вернулся на сцену. Все хвалят моего героя, а мне иногда кажется, что просто жалеют меня: «Вот посмотрите — Леонов. Он был на том свете, а теперь играет». Очень хочется верить, что мой Тевье-молочник понравился людям, ведь он вобрал мое сердце и мою боль.

— В этом спектакле играет ваш сын.

— В литературной части Театра имени Ленинского комсомола работает моя жена — Ванда Владимировна. Она пришла в театр раньше меня и работает в нем уже почти двадцать лет.

Мой сын Андрей сыграл свою первую роль в Ленкоме еще будучи студентом II курса театрального училища, когда актер, исполнявший роль сына моего героя в спектакле «Вор», уехал на гастроли в Португалию, но после окончания училища Андрей пришел в наш театр. Не могу сказать, что его сценическая судьба складывается легко. Мой учитель Михаил Михайлович Яншин говорил: «Актерская профессия состоит из взлетов и падений. Упал, разбился, снова вставай и карабкайся». Никогда не забуду обиду, которую мне нанес один юрист, написавший в статье, что для легкой жизни дети актеров выбирают себе актерский путь. Если бы знал истину, то, наверное, не завидовал бы. Андрюша почти не снимается в кино и получает (привет юристу!) 120 рублей в месяц. А ему уже 30 лет. Семья, ребенок.

— Евгений Павлович, семнадцать лет назад вы оставили труппу Театра имени В. Маяковского и перешли в Ленком. Чем это было вызвано?

— Я, конечно, не предполагал, что буду работать в Театре имени Ленинского комсомола. Меня потянуло к интересному, талантливому и, что самое главное, современному режиссеру — Марку Захарову. И я расстался с благополучной жизнью, с крупной зарплатой (в Ленкоме моя зарплата была в полтора раза меньше). Но я хотел, чтобы из-под меня был выбит стул, на котором я вальяжно расселся, удобно устроился, спекулируя, как мне казалось, на своих данных, на ранее найденных приемах выразительности, красках.

— Бывает ли у вас свободное время, и как вы им распоряжаетесь?

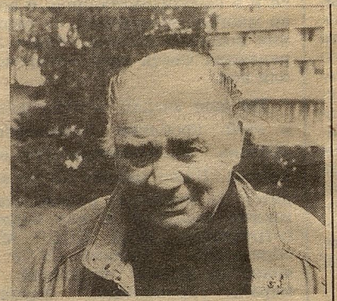
— Вы знаете, свободного времени у меня практически никогда не было. В период работы в Драматическом театре имени Станиславского я много снимался на «Ленфильме»: «Полосатый рейс», «Крепостная актриса» и др. На съемки нельзя было отпрашиваться — это грозило увольнением. Поэтому приходилось говорить: «Не вызывайте меня, пожалуйста, завтра на репетицию, зато послезавтра я смогу репетировать и утром, и вечером». Я подсчитал, что во время съемок фильма «Донская повесть» я ровно месяц провел в поезде Москва — Ленинград. После спектакля я бежал на «Стрелу», а на следующий день возвращался к началу спектакля. Впрочем, так живут многие актеры. И они счастливы, потому что могут много работать. Моя жизнь — это репетиции. Гастроли. Концерты. Съемки. Спектакли. Деятельность общественного директора Дома актера.

С великим счастьем вспоминаю дни, когда мы всей семьей уезжали отдыхать, гуляли в лесу, купались, смеялись.

Я очень люблю свой дом, свои книги. Люблю свою семью. Это, разумеется, не значит, что мы никогда не ссоримся и не спорим. В Гамбурге за мою жизнь боролись не только врачи. Что должны были пережить сын и жена, когда врач, сделавший операцию, сказал: «Что зависело от нас, мы сделали. Теперь сидите около него девять дней: пойте песни, читайте стихи, разговаривайте. Откроет глаза, откликнется — значит, будет жить». Я представляю, что им стоило выполнять это около бездыханного человека, не проявляющего никаких признаков жизни, под стук мерно тикающих метрономов, в окружении включенных медицинских приборов. Такую проверку преподнесла судьба моей семье. Зато теперь они относятся ко мне, как к малому ребенку: куда пошел, этого нельзя, почему не гулял?

Видите, начал говорить о свободном времени, а перешел на работу и семью.

Е. ФЕДОРЕНКО

Аргументы и факты. — 1990. — 6–12 янв. (№ 1). — С. 7

в людях заставляет меня страдать»